

Возможно, что генерал и перед смертью, которая наступила от второго удара через восемь дней после первого, хотел подчеркнуть родство своей души с душой пушкинского Наполеона, этого «изгнанника вселенной», заточенного на острове,

Где иногда в своей пустыне,
Забыв войну, потомство, трон,
Один, один о милом сыне
В унынье горьком думал он.²³

К тому же предсмертные слова генерала Иволгина можно соотнести и с последними словами Наполеона в передаче его верного слуги Л.-Ж. Маршана, бывшего с ним на Святой Елене: «У императора начался бред. Император произносил много невнятных слов, из которых можно было разобрать „Франция... мой сын... армия...” Можно с большой уверенностью прийти к выводу, что его последние мысли касались Франции, его сына и армии. Это были последние слова, которые нам предстояло услышать».²⁴

Нравственное падение и последующая гибель генерала Иволгина у Достоевского — это гибель героя-наполеониста, одного из тех, которых Наполеон «ужасно увлек» (6, 378). Но в этой гибели наполеонизм — это не столько причина, сколько цель, сознательный выбор героя, воображающего себя не тем, кто он есть на самом деле. И в этом смысле судьба генерала Иволгина более трагична, чем судьба Раскольникова, который находит Соню и обретает возможность преодолеть собственный наполеонизм, чтобы духовно переродиться и начать новую жизнь.

²³ Пушкин А. С. Наполеон // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 60.

²⁴ Маршан Л.-Ж. Наполеон. Годы изгнания: Мемуары / Пер. с фр. и англ. М., 2003. С. 703.